

## **БРОДЯГИ**

I. . . . .	5
II . . . . .	13
III . . . . .	21

ЕРОШОК Зоя  
БРОДЯГИ

*For presentational & educational purposes only*  
(серия [letterra.org](http://letterra.org): 040)

## БРОДЯГИ

*Энциклопедия Зои Ерошок*

*Павелецкий вокзал. Семнадцать ноль-ноль.*

*Это моя первая среда у бомжей. 13 февраля 2008 г.*

Лиза раздает теплые вещи, еду, лекарства. И все время меня с кем-нибудь знакомит.

Вот — Васив. Он из Дагестана. Красивый молодой человек. Все зовут его Васей. Вася — вожак. «Самый чистый», — говорит Лиза. И, правда, очень опрятный. В дубленке. Поношенной, но вполне приличной. Здоровый цвет лица. Не похож на бомжа. Хотя бомжует три года.

Лиза дала Васе мобильник, кладет на него деньги, и от среды до среды звонит Васе: «Как там наши? Все нормально?». Или Вася звонит. Лиза, например, в «Кофе-Хаусе». Вася: «Тут бомж у нас новый. Что-то ему совсем плохо. Он — слепой». Лиза: «На один глаз или на оба?». Вася: «Пойду посмотрю, он лежит, не видно». В «Кофе-Хаусе» — приличная публика. Некоторые, поняв, о чем и с кем разговаривает Лиза, — испуганно от нее отодвигаются.

У Васи что-то с рукой. Лиза смотрит и говорит: перелом. Руку Васе сломал милиционер. Вася стоял у входа в метро, милиционер проходил мимо, спросил: ты че тут стоишь? И — бац дубинкой по руке. Получил удовольствие и пошел дальше.

Сутки Вася ждал приезда Лизы. Плакал от боли, боялся. Лиза говорит: срочно звоните в «скорую». Для Васи врачи страшнее, чем милиция. Но Лиза строго сказала: «Надо гипс положить». «Скорую» вызывает другая Лиза, студентка. «Скорая» не едет час, два. Лиза Глинка — мне: «Скорая» может или вообще не приехать или на полдороге выкинуть бомжа из машины на полном ходу, прямо на трамвайные рельсы».

Студентка Лиза тем временем раздает бомжам еду из своего большого полиэтиленового мешка. Она ходит сюда уже месяца три. Нет, не одна. Еще «три девочки и один мальчик». Можно узнать их фамилии? «А можно — без фамилии?» — смущается Лиза. Конечно, можно, но почему? «Над нами смеются, не понимают». Кто? Сверстники? Да. А — родители? Дома — не знают. Еду для бомжей готовят у одной девочки в общежитии. Гречку варят, пельмени. Чай приносят в термосе, хлеб.

Тима — тоже из Дагестана. Бродяжничает полгода. («Приехал на заработки. Нашел работу. На стройке. Два месяца круглыми сутками шпаклевал, малярку делал. Денег не дали. Я что, даром должен работать?»). И после паузы с мягкой усмешкой: «Как бывает в Москве — обманули.») Потом Тима потерял документы. А без денег и документов как уедешь домой? Ночует на вокзале. «Ну, это хорошо», — сдуру говорю я, имея в виду, что, слава богу, не на улице. «Чё ж хорошего?» — укоризненно-мягко улыбается мне Тима.

В Дагестане у Тимы остались две младшие сестры. Обещает уехать к ним, если Лиза купит билет. «Не вернешься?» — спрашивает Лиза. Тима — твердо: «Нет». «А сестры не выгонят?». Тима уверенно: «Не выгонят».

Сегодня Тиме перепала обувка. Лиза дает ему черные хорошие туфли. («А то у него эти желтые, как у Олега Попова, совсем разваливаются.») Тима переобулся, долго смотрит на новые туфли, явно любит.

Идем в укромный уголок. Лиза делает Тиме перевязку. У Тимы на левой руке рана (тоже от милицейских побоев) не заживает, гноится. Лиза — перевязывая: «Щипет? Сильно? Терпи. Да не бойся ты. Не будет больно. Обещаю. Я аккуратно. О, сколько гноища. Не давай себя пластырем заклеивать. Жди меня в среду». Тима: «А-а-а, больно». Лиза: «Посмотри на меня, Тимочка. Терпи, тебе не больно. Терпи». Мимо идут люди. Бросают на меня и Лизу странные взгляды.

Студентка Лиза опять убегает с Васей на ту сторону улицы — ждать «скорую». Которой все нет и нет. Рассказываю Тиме, что это та девочка, которая готовит для них пельмени. Тима — очень серьезно: «То-то я почувствовал: пельмени — ручной работы». Я не говорю Тиме, что пельмени, конечно, из пачки, фабричные. Тима правду сказал: они ручные.

Тима — Васе: «Ты в больницу, в такую-то, не ложись. Там вредные. Меня в час ночи выкинули. Метро рядом нет, на улице -25. Уж лучше б совсем не клали или до утра

дали долежать. Всех наших, если даже и берут, то в час, в два ночи выгоняют. И не потому, что места понадобились, а просто так».

У Лизы — медицинский чемоданчик с лекарствами, шприцами. Про «своих» бомжей она уже все знает. Кто уколов боится, кто перевязок. И все почему-то мазь левомиколь не любят. Просят чем угодно обрабатывать раны, «только не левомиколем».

Знакомство с Андроном началось у Лизы драматически. Андрон с ходу заорал на нее: «А-а сука, деньги на нас башляешь!». «Не ори, — тоже на повышенных тонах сказала ему Лиза, — менты на ор придут».

Потом Андрон увидел, как Лиза кормит бомжей, перевязывает, одежду дает, и стал подлизываться: «Привет, сестра!». «Отойди, я на тебя обиделась», — сказала Лиза. Это услышал Вася и впал в гнев: «Ты что, Л-и-з-у обидел?». Отвел Андрона в сторону, жестко поговорил. Теперь Андрон — шелковый. И всякий раз считает своим долгом перед Лизой отмечаться: «Нет, ты, Лиза, на нас совсем не башляешь и пахнешь, как Пьер Карден».

Тима ждет отправки в Дагестан. Две недели не пьет. «Тима, а сколько вам лет?» — спрашиваю я. «Шестьдесят восьмого года рождения. Это — сколько?» — «Сорок». — «Ну, значит, мне — сорок». «А мне сколько дадите?» — спрашивает Лена. Она — крепкая, упитанная, лицо без морщин. Я говорю: «А вам, Лена, двадцать лет». Лена радостно смеется, хлопает в ладоши: «Да у меня трое детей. Старшему уже 18. Еще приемный ребенок есть». — «А где дети, Лен?» — «С теткой в Тамбовской области». После паузы: «Тетка хорошая, и я к ним приезжаю. В холода. Отогреться». И — почувствовав неловкость: «Звонила им недавно. Я часто звоню».

Ночует Лена на вокзале. Охрана пускает за 50 рублей. Где деньги берет? Попрошайничает. Часто дают? «Часто, часто, — кивает. — Я ведь помногу не прошу: 5 рублей или 10. Особенно хорошо дают люди у Матронушки, ну, знаете, Покровский собор на Таганке? Мы туда по вечерам приходим. Днем там с нищих мзду берут, а нас по вечерам одна добрая женщина жалеет, бесплатно разрешает просить милостыню».

Это, значит, среда. А в пятницу обещают минус двадцать пять. Лиза беспокоится насчет холодов, каждого (!) бомжа пытается куда-нибудь пристроить на три дня, потом, говорят, потеплеет. (Объясняет индивидуально: «Ты иди в медпункт такой-то, обратись к такой-то, скажешь, что от меня, а я ей поз-

воюю». — «Ты, Лена, езжай в Тамбов. Пересиди там эти три дня». — «Тебя, Тима, домой в Дагестан отправим». — «Что с тобой, Русланчик, делать? Может, в приют?» Руслан: «Ленка, возьми меня с собой». Лена: «Ну не могу я. У меня насчет этого тетка не любит». Руслан: «А ты скажи, что от меня ребенка ждешь». Все смеются. Живот у Ленки большой, может запросто сойти за беременную.)

Руслан — из Украины, Донецкая область. Восемь лет назад оттуда уехал. Никого там не осталось. Мама умерла. Она не родная ему была. Взяла из детдома в три месяца. Работал Руслан в Москве на рынке. Потом по пьяни (честно признается) документы потерял. У Руслана — гепатит и цирроз. В очень запущенной стадии.

Руфине — тридцать пять лет. Бомжует — семь. Руфина — это Кармен. Мятежная и бесстрашная.

Руфина не боится, когда ее фотографируют журналисты. И других бомжей уговаривает не бояться: «Пусть нас снимают, пока мы живые. Мертвыми нас потом только менты на фотоаппарат снимут».

*Из Лизинога дневника:*

«Танюшка, проживающая на вокзале три года, решила броситься под машину. «Дави, дави», — кричала она иномарке, имевшей неосторожность заехать на территорию «Вторсырья» (это ужасно, но это так — я именно там их перевязываю). «ДавИИИИИИ! З...ла жизнь такая!» Руфина и Марина, со стажем бродяжничества побольше, подошли к ней и стали ее не оттаскивать, а объяснять: «Таня, да что ты, Таня, это же грех. Отойди! Вот если ты замерзнешь или тебя замочат на вокзале, то тогда умереть не грех». «Не грех», — оценила степень греховности Марина и перекрестилась. Танюшка, махнув рукой, отошла от бампера.

**P.S.** А Сашка принесла мне чай в машину. Купила на стреляные деньги и принесла».

Возраст бомжей на Павелецком: от 20 лет до 42 (в среднем). Самому старенькому — 58 лет. Бомжевать можно лет семь-восемь. Дальше — смерть.

Правда, в Киеве Лиза встретила бомжиху с тридцатилетним стажем. Люде было десять лет, когда умерла ее мама. А отец дом по пьяни поджег. Вот и бродяжничала с тех пор. Умерла в хосписе. Ей было сорок.

При Лизе никто из бомжей не курит. И новеньким сами бомжи не разрешают. Стали гораздо меньше пить даже в промежутках между средами. Лиза — строго: «Валя, ты пила?» — «Нет». — «Честно?» — «Клянусь!» Вася: «Правда — не пила. Она всю неделю со мной была». Валю Вася называет женой. Очень нежен с нею.

*Из Лизиного дневника:*

«Отработали на Павелецком. Раздали все валенки, что вы принесли. И одежду. Спасибо неизвестной девушке, которая принесла одежду прямо в мою машину. Таня: надеюсь, что сейчас она в больнице. Погибнет, если ее не пристроить куда-нибудь на зиму. Нашли Руфинку. Она в относительном порядке, кроме ожога электрошокером на правой руке. Собака при ней. Сашку побили милиционеры. Сильно. Много гематом. Но открытых ран нет. Один наркоман и алкоголик гордо сказал, что на ВДНХ их «КОРМИТ ПУТИН». С шести утра. Уже неделю. Горжусь вместе с ним. Да. Есть, тем не менее, просили. Видимо, не хватает. На прощание один мужчина сказал: «Лиз, я умру тут». Умрет. Я и так вижу. Без его слов. И ничего сделать не могу. Потому что...».

Бомж — помощнице Лизы Лене Никульниковой: «Дай денег». «У Лизы попроси». — «У мамульки не могу, мне совесть не позволяет». Но вообще-то денег не просят. Даже когда кончается чай или кофе в термосах, говорят: «Купи чаю в ларьке». «На денег, сам купи». — «Нет, не надо, я пропью, купи ты». Лиза идет в ларек (благо рядом) и покупает бумажный стаканчик чая или кофе.

С октября прошлого года Лиза десять «своих» бомжей лично отправила в Кишинев, в Саратовскую, в Волгоградскую область и т.д. к родным. (Предварительно созвонившись с ними.) И только один по дороге сбежал, вернулся в Москву. Девять остались дома.

Пожилой бомж просится назад в тюрьму: во Владимирскую тюремную туберкулезную больницу. Ходит за Лизой по пятам и ноет: отправь, там хорошие врачи, добрые.

В среду к Лизе на Павелецком приходят от пятнадцати до двадцати трех бродяг. В один день было тридцать два человека. Среди бомжей много бывших детдомовцев, уголовников, есть строитель БАМа. Тем, кто давно бомжует, Лиза присваивает звание «Почетный Бомж России». А тех, кто больше всех бездомным помогает, благодарит от имени всех Бомжей Российской Федерации.

Священник Аркадий Шатов из церкви при 1-й Градской больнице. К нему бомжи часто приходят. В этой церкви Лиза находит их по запаху. По всем углам лежат.

Болезней у бродяг целый букет: туберкулез, гепатит, рак легких, цирроз, воспаление легких, переломы, ранения в ноги, руки, живот. Много в холода обмороженных, много с температурой. В этом январе замерзли на улице из Лизиных знакомых Гиви (кстати, он был с паспортом — редкий случай!) и Влад. Замерзли — в смысле умерли.

**NB!** По данным МВД, только в Москве ежегодно замерзают 300 бомжей.

### «Менты»

Милиционеры бьют бомжей часто, профессионально и с радостью. Очень любят бить по праздникам. На Новый год, например. Но особенно — 10 ноября, в День милиции. Спящих бьют по ногам. Глубоко спящих — по рукам. Бьют дубинками, электрошокерами, петарды пускают в лицо. Отдельная забава: бить женщин-бомжей.

Одну немолодую женщину-бомжиху милиционеры били долго, основательно, с чувством. Били всем, что под руку попадется. Попалась и швабра. Стали эту швабру засовывать ей во все места. И во влагалище тоже. Женщину еле-еле спасли в больнице. Было страшное кровотечение. Теперь она беспрерывно писается.

Бывшие уголовники приходят к Лизе не поодиночке, а группами. В черных робах, четко докладывают, сколько раз сидели, по каким статьям. Высшее доверие к Лизе — вопрос: «Петровна, а ты где сидела?».

Лиза Глинка считает, что для большинства бомжей бродяжничество — образ жизни. Возвращаться им, как правило,

некуда. Что может сделать для бомжей государство? Лиза убеждена: строить приюты и ночлежки.

Бродяжничество как образ жизни существует во всем мире. Например, в США — три миллиона бродяг, в странах Евросоюза — пять миллионов. Больше всего их во Франции, там они зовутся клошарами и у них есть даже свой профсоюз.

Репрессивные законы по отношению к бродягам в этих странах отменены. Проблему бродяжничества пытаются решить так: создают благотворительные гостиницы, столовые, бани, пункты дезинфекции. В США, например, почти все бездомные постоянно (NB!) живут в ночлежках.

В России четыре с половиной миллиона бродяг. Правда, независимые эксперты считают, что эти цифры сильно занижены.

В Москве — опять же по очень приблизительным данным — сто тысяч бездомных. И всего восемь приютов. В которые берут только с московской (!) пропиской. Хорошенькое дело, как говорила Рина Зеленая. Если есть московская прописка — ты принц, а не бомж.

А наша Госдума и здесь отличилась. Подготовила новый проект закона. По нему у каждого бездомного должен быть адрес. Тот, где он, бомж, проживает. Иначе — будет сидеть. Сначала — 10 суток. А в случае «злостного нежелания регистрироваться» может и на год, и на два сесть.

Этот законопроект принят в первом чтении. Наша газета уже задавала вопросы его авторам и разработчикам: за что милиция намерена наказывать бомжа? За то, что у него нет жилья? Так владение жильем есть право, но не обязанность российских граждан. За то, что он не живет в одном постоянном месте? Так Конституция России гарантирует российским гражданам свободу передвижения. За то, что он дурно пахнет и плохо одет? Так ни один российский закон не предписывает гражданам, чем пахнуть и во что одеваться в общественных местах. За то, что у них туберкулез и вши? Так это болезни, а не преступления.

«Государство обязано оградить нормальных граждан от сомнительного «удовольствия» общаться с бродягами», — объяснял в одном интервью суть нового законопроекта начальник московского ГУВД на железнодорожном транспорте генерал-майор милиции Андрей Алексеев.

Санитарка в киевском хосписе про таких государственных деятелей говорит:

— Им не болит.

## **Кто такая доктор Лиза (детали биографии):**

Я познакомилась с Лизой Глинкой (в «Живом Журнале» ее знают как доктора Лизу) летом прошлого года в Первом Московском хосписе. Познакомила нас главврач хосписа Вера Миллионщикова.

Двадцать три года назад москвичка Лиза Глинка уехала в Америку. Вышла там замуж, родила двоих сыновей.

Девять лет назад мужу Лизы, юрист-консулу, предложили интересную работу в Украине. И вот — Киев. Огромная пятикомнатная квартира в центре города. Две недели Лиза маялась, не знала, что делать. Потом стала обзванивать и объезжать все больницы подряд. Предлагала открыть бесплатное отделение хосписа, хотела устроиться там волонтером. Везде — отказ. Оставалась ровно одна больница, и Лиза загадала: если и там облом, она уезжает с детьми в Америку. Это был онкологический центр. Главврач Олийниченко выслушал ее и сказал, что поможет. Короче, ровно через три недели создали выездную службу и открыли первое отделение оперативной хосписной службы на базе онкологического центра.

Пять лет назад в Киеве начали строить новое здание для хосписа. Тогда же открыли первую детскую хосписную палату, куда стали принимать умирающих детей.

Полтора года назад случилось несчастье с Лизиной мамой, и Лиза переехала в Москву. Мама попала (и сегодня там) в реанимацию института Бурденко. Через месяц после ухода за мамой Лиза в реанимации поняла: надо создавать хоспис для неонкологических коматозных больных, которым абсолютно некуда деваться, а их выписывают в никуда, что означает — неминуемая смерть. Лиза стала пробивать идею такого хосписа.

Четыре года назад Лиза Глинка знакомится с Сергеем Мироновым, председателем Совета Федерации. Передали Лизе письмо от одной мамы. Мама работала уборщицей: убирала мусор на железнодорожных рельсах, в Саратовской области. И там на рельсах подобрала четырехлетнего сироту. Он курил и ругался матом. Она забрала его к себе. А у нее трое своих детей и муж алкоголик. Но усыновленный мальчик быстро рос, пошел в школу, учился на одни «пятерки». И вдруг — страшная болезнь: опухоль мозга. Женщина начинает его лечить. Добирается до Москвы. Увы,

езде нужны деньги. Огромные деньги. Короче, Лиза пишет письмо Миронову: «Сергей Михайлович! Я, конечно, оплачу лечение этого ребенка. Но объясните мне, почему граждане России, усыновившие сироту, должны платить за лечение ребенка, если по Конституции это лечение обязано быть бесплатным». Миронов отреагировал на письмо моментально. Мальчик — Гена Ключников — был прооперирован, прошел курс химиотерапии. Все, разумеется, бесплатно. Но спасти не удалось. Гена умер. А Сергей Миронов помогает Лизе по сей день.

Год назад был создан фонд «Справедливая помощь». Лиза Глинка — исполнительный директор. Президент фонда — Александр Чуев, в то время депутат Госдумы, ныне — помощник Сергея Миронова.

Два месяца назад в Киеве открыли новое здание хосписа. Двухэтажное и очень красивое.

Пять месяцев назад: Лиза должна забрать на Павелецком вокзале онкологического больного. Когда она приехала в условленное место, больного там почему-то не оказалось, зато обнаружилось много бомжей. Почти все они были больны. Лежали у мусорки в каких-то коробках. У кого-то дикая температура, у кого-то перебиты руки, у кого-то ноги. Был октябрь. Дождь, сырость. Среда. Семнадцать ноль-ноль. Лиза шла, как в кино ходят по окопам: везде люди, непонятно, живые или уже не очень. В чемоданчике у нее были лекарства. Она давала кому-то от кашля, кому-то от температуры, кого-то перевязывала. За три часа сделала что смогла. И пообещала приехать в следующую среду, также в семнадцать ноль-ноль. С тех пор Лиза Глинка не пропустила ни одной среды.

## II.

По милицейской логике: бомжи — ненормальные, и жизнь у них ненормальная. А те милиционеры, что их бьют, просто так, проходя мимо, дубинками, электрошокерами, петардой в лицо, — нормальные? Те, что швабру засовывают женщине во влагалище, — нормальные? Они приходят домой, чай пьют, с женой общаются, детей своих по головке гладят. У них все хорошо. А потом идут на работу — исполнять свой профессиональный долг: бить бомжей. За то, что они — бомжи. И потому что знают: им за это абсолютно ничего не будет.

Лена Никульникова, помощница Лизы Глинки\*, объясняет мне: «Из ментов зверствуют и издеваются над бомжами как раз те, кто сам лимита, только приехал в Москву. Это «низовики», работают «внизу»: на вокзалах, на улицах. У них нет никакого образования, платят мало, зато полная бесконтрольность, а бомжи для них вообще не люди. Но и из высших чинов никто и никогда бомжей не защитит».

Лена учится на юриста. Она знает систему изнутри.

\* \* \*

Кстати, ненавидя ментов, к операм бомжи относятся уважительно. Опера убийц ищут, делом настоящим заняты...

\* \* \*

О бродяжничестве — как образе жизни. Когда Есенин разочаровался в советской деревне, да и вообще в деревне, ему захотелось одного — стать бродягой. («Оттого, что в полях забуддыге/Ветер громче поет, чем кому».) С гнилью, с городскими хулиганами Есенину легче, чем с благополучными мещанами советской России. Ему стали мерзки большевики и те, кто с ними. Опостытели бывшие приятели, занявшие более или менее кровавые, но теплые места. («Я уж готов. Я робкий./ Глянь-ка, бутылоч рать!/ Я собираю пробки/Душу мою затыкать».) Это я не ради идеализации и романтизации бомжей вспомнила. Просто перечитывала на днях у Ходасевича воспоминания о Есенине.

\* \* \*

Вера Миллионщикова, главврач Первого Московского хосписа, в метро на «Павелецкой» пересеживается на другую линию, так она сказала на днях Лизе Глинке: «Заметно меньше стало ссанья на «Павелецкой». Вот! Эффект почти полугодовой работы Лизы Глинки с бомжами.

### **Вердикт бомжей**

— Что вы думаете о правительстве?

Молчат, потом хором:

— *Пи-ди-ра-сты.*

\* \* \*

Пока на «нычке» Лиза перевязывает руку Тиме, ей звонят помощники. Нагрянула милиция. Бегом к «своему» месту.

Как правильно разговаривать с милиционерами? Если начнут бомжей при нас бить или загонять в клетку — что делать?

Короче, прибежали, а милиции уже нет. Оказывается, подошли два милиционера к нашей машине, а там всего один бомж остался, и у того уже на руках был билет домой (Лиза купила). Сказали расстроено: «Опоздали», — и ушли, разочарованные.

*Лиза потом напишет в своем дневнике:*

«Да, опоздали. Сегодня нашим больным крупно повезло. Их не били дубинками и не свалили в клетку отделения милиции. Я не знаю, что будет завтра. И послезавтра тоже.

Зачистка Москвы перед выборами, чтобы лучше голосовалось, наверное. Правильному электорату. А у меня — неправильный. Незарегистрированный, и далее продолжать можно бесконечно. Знаете, даже в войну бомбить госпитали и больных считается не по правилам. А сейчас мирное время.

Среди моих бездомных 95 процентов — граждане России. Да, они не так успешны в жизни, как мы с вами. У них нет семей, нет квартир и много чего нет. Но они — люди. В большинстве своем люди больные».

\* \* \*

Лиза говорит, что сначала все бомжи для нее на одно лицо, а со второго раза она их различает.

\* \* \*

Так закончилась моя первая среда среди бомжей на Павелецком. Лиза работала, как всегда, до последнего посетителя.

### **Моя вторая среда**

Моя вторая среда началась с пожара. Иду по Сретенке к метро. Мы договорились с Лизой Глинкой, что не опоздаем на встречу с бомжами, потому что, раз милиция «наше место» на Павелецком вокзале уже знает, может быть облава. Вдруг слышу: гудит машина и меня кто-то зовет. Это Лиза и Лена Никульникова. Взхлеб начинают мне рассказывать, как попали «во взрыв».

Короче, пьют они чай у Лизы дома на Сретенском бульваре, и вдруг за окном что-то как рванет... Думали, машину какую-то взорвали. Оказалось, дом напротив (Рыбников переулок) горит. Выскочили на улицу, а там уже толпа зевак собралась, смотрят, фотографируют беспрерывно. Горит весь третий этаж, пожарные выносят из здания раненых, бросают прямо на асфальт, бегут внутрь за следующими. Лиза — почему-то оправдываясь: «Знаешь, я бы не стала ввязываться, но одна женщина рядом так кричала: «Там — ребенок, мой ребенок, спасите...». Я — к пожарному: «Там ребенок...». Пожарный мне — очень мрачно: «Это х...ево». Тут другая женщина, похожая на киргизку (дом выселенный, там, похоже, жили нелегалы): «В квартире, кажется, еще один газовый баллон остался, на 50 литров». Значит, один на 50 л уже взорвался, черный дым всюду валит, раненых человек двенадцать вынесли, и еще один баллон должен взорваться? Пожарный мне так же меланхолично: «Сейчас так е...нет, никого здесь не останется», но побежал вовнутрь и вынес тот баллон».

И тут Лиза (пересказываю ее рассказ своими словами) видит женщину на земле, всю обожженную, которая буквально криком кричит, но до нее никому нет дела, пожарные — внутри здания, «скорая» стоит довольно далеко на углу, а толпа зевак все фотографирует и фотографирует. Лиза кричит толпе: «Помогите мне кто-нибудь, я одна ее не донесу до «скорой». Никто в толпе не реагирует. Все заняты: фотографируют. А надо сказать, что Лиза Глинка — маленькая, хрупкая женщина, она и поднять-то раненую не может, не то что нести. Наконец один мужчина вызвался Лизе помочь. Он с соседней мойки прибежал, там работает. Вдвоем с Лизой они хотели на матрас положить женщину, но матрас сам по себе тяжелый, поэтому на одеяле понесли. Вначале им вообще никто не помогал. А толпа стояла огромная, весь Рыбников переулок заняла и пол-Сретенки. Врачи из «скорой» даже не вышли, и в машину раненую женщину Лиза с тем мойщиком впихивали сами. С мойщиком Лиза еще двух раненых женщин в «скорую» перенесла. И всё это время кричала своей помощнице Лене: «Маску марлевую надень, отойди, не дыши дымом». Лена — беременная.

Мало того что Лизе вначале, кроме мойщика, никто не помогал. Так один мужик еще запихивал ее в горящее здание, вопя: «Там моя женщина осталась! Иди спаси ее!». Лиза долго потом недоумевала: если это его женщина, чего это она ее должна спасать, а не он?!

Из дома в Рыбникове переулке на Лизиных глазах человек шестьдесят выскочили, все с огромными полосатыми сумками. «Все — нелегалы?» — спрашиваю я. «Да у нас все нелегалы, кто не в Москве родился, — отвечает Лиза. — Но знаешь, что я еще запомнила: все, кто не очень сильно раненный был, разбегались врассыпную. И от помощи медицинской отказывались. Обожженные, полуголые — они не только милиции и депортации боялись, но и нас с вами. С бомжами — то же самое».

Пока мы едем на Павелецкий, к «своим» бомжам, у Лизы беспрестанно звонит телефон: «Ты жива?». Оказывается, зеваки на пожаре уже выставили свои фотки в интернет, и везде там, в эпицентре событий, — маленькая Лиза в большой синей куртке с надписью «Скорая помощь». «Жива, жива!» — смеется Лиза. И, помолчав, — мне: «Знаешь, самое страшное — орать о помощи, когда тебя никто не слышит. Мы еле-еле с мойщиком заставили еще пару мужчин из зевак носить раненых к «скорой».

\* \* \*

Приезжаем на Павелецкий вокзал. Туда пришли Лизины друзья и волонтеры фонда «Справедливая помощь». С цветами и подарками. Оказывается, у Лизы сегодня — день рождения. Бомжи тоже поздравляют. А «свеженький» бомж (всего полтора месяца бродяжничьего стажа) Саша из Волгограда (в прошлой жизни — музработник) с выражением читает Лизе длинное стихотворение-поздравление. Растроганная Лиза его целует.

\* \* \*

А ребенок с пожара нашелся живой. Маленький, в синей курточке, в белой шапке, он сидел на другой стороне улицы и смотрел на огонь и дым.

\* \* \*

Сами бомжи могли бы сказать о себе словами поэта: «Кто мы? Так — тень от дыма...».

\* \* \*

*Ну вот: моя вторая среда среди бомжей.  
20 февраля 2008 года. Павелецкий. Семнадцать ноль-ноль.  
Из моих знакомых бомжей: Вася, Руслан...  
Из незнакомых мне: Вера, Галя...*

Вера — колоритнейшая дама. В меховой (когда-то была чернобуркой) шапке, в зимнем серо-буро-малиновом старом пальто и с большой яркой (с висюльками!) брошкой поверх пальто. «Лиз, а где Петрович?» — спрашивает Вера. (Петрович — это Сергей Петрович, врач-онколог, помогать Лизе с бомжами начал со словами: «Люблю экстрим».) «Не знаю, — отвечает Лиза, — может, подойдет попозже». «И Колька меня бросил», — говорит Вера и заливается слезами.

\* \* \*

Еще раз про любовь. Лиза — Руфине: «Не пей, а?!» — «Да я совсем немного. И от тоски, Лиз...» — «А тоска от чего?» — «Ты вот скажешь, что бездомная, да? А я тоскую оттого, что любила знаешь кого?» — «Кого?» — «Ничтожество. Полное ничтожество. Бомжевать — не беда. Любить ничто — страшно».

\* \* \*

Дико холодно. Ветер. Лиза раздаёт больным бомжам лекарства: ношпу, анальгин, таблетки от кашля. «Лиз, не надо мне так много, — говорит бомж. — В следующий раз еще дашь». «Бери, бери! — говорит Лиза. — Откуда я знаю, приду ли в следующий раз. Может, помру». «Ты че такое говоришь? — возмущается бомж. — Ты, Петровна, того... живи, ты че?!».

Вера плачет навзрыд. Лиза — мне: «Поговори с ней. О любви». Говорим с Верой о любви. Очень долго. При слове «Колька» слезы у Веры падают прямо на асфальт. «Да я б из-за него еще год назад бросила бы бомжевать, уехала бы к себе домой. А он... он... Знаешь, что он мне сказал, когда бросал?» — «Что, Вера, что?» — «Он сказал: «Я знать тебя не знаю». «Вера, успокойтесь, — говорю я. — Ну что вы из-за этого Кольки так убиваетесь? Раз он такой, ну и черт с ним». Сама при этом думаю: что я несу? Мне кто б такое сказал: убила бы! Но Лиза, раздавая лекарства, одобрительно кивает головой.

Расспрашиваю Веру о ней самой. Она явно крутит, темнит. Вроде бы родных нету совсем. Есть дом (?) в Ростовской области. Почему не едет туда? «Как я в таком виде вернусь?». Лена Никульникова — строго: «Ну чего ты врешь? Мы же три раза пытались тебя отправить домой. Тебе даже санобработку сделали. Но ты же сама не захотела». «Так то ж из-за Кольки! Он меня сбил», — опять в слезы Вера.

«Ну, хорошо, Кольки уже нет, что сейчас мешает уехать домой?» — «Мне обещали дать поработать. Здесь, на Павелецком вокзале, полы мыть. Моя знакомая в отпуск уходит, а меня на свое место пристроит. Я сама денег на дорогу заработаю», — гордо заявляет Вера. И — с отчаянной решимостью: «И Кольку забуду». Дальше — опять слезы. («Да не расстраивайтесь вы так из-за Верки, — говорит мне пожилой бомж. — Это всё пьяные слезы. Пройдет».)

Проходит очень быстро. Появляется Петрович, покупает в соседнем ларьке Вере бумажный стаканчик горячего чая, сосиску. Они разговаривают. Я вижу спину Петровича и счастливо-кокетливое лицо Веры. Она показывает ему брошку. Сияет. Наверное, Петрович похвалил. Ест Вера медленно, аккуратно. Бумажный стаканчик из-под чая относит в мусорный бак, а не бросает себе под ноги. Бомжует семь лет.

\* \* \*

Из Лизиного дневника:

«Бездомный киевский больной. Пролежал у нас в хосписе три недели. С документами, отсидевший в тюрьме, после тюрем мотался по городам, так и не найдя себе пристанища. После смерти — позавчера — стали искать хоть кого-то из родственников. Они ведь есть почти у всех. Подняли всех — участкового милиционера, отдел по работе с осужденными и так далее. Нашли. Больной отсидел за убийство своей жены. Четверо его детей воспитывались в детском доме. Старший сын будет хоронить».

\* \* \*

Галя бомжует со взрослым сыном. Сын пьет, а Галя — нет. Но вот однажды, в январские холода, Лиза устроила Галю на ночь в автобус «Милосердие».\* Так Галя с подружкой на радостях открыли чекушку — и давай из горла... Священник звонит Лизе: «Ваши пьют!». Лиза: «Галя? Не может быть». — «Галя. Пьет. Шумит». Лиза: «Может, это не водка, а вода? Вы посмотрели бутылку?». Священник: «Посмотрел. Водка. Я их высаживаю». И высадил. Вот что с людьми радость делает.

---

\* Автобус «Милосердие» в холода собирает бомжей на улицах Москвы и возит их всю ночь — чтобы отогрелись.

\* \* \*

Лена Никульникова в фонде «Справедливая помощь» с августа прошлого года. А до этого пять лет работала в крупной газовой компании. Пять месяцев, каждую среду, Лена приезжает с Лизой на Павелецкий.

Что было за это время в общении с бомжами самое неожиданное?

Лена задумывается: «Ну, во-первых, я не знала, что они будут такими разборчивыми. Когда роются в принесенных вещах, выбирают себе строго по размеру, подбирают по цвету, эта куртка нравится, эта — нет, сам(а) может в такой дранной шубе быть, но абы что не возьмет. Нет, это не хамство, не капризы, не то, что на шею нам сели, а именно: разборчивость. Во-вторых: они — не злые. Может, это только наши, павелецкие, такие, я за всех не скажу. Но наши точно — не злобные, не агрессивные, безобидные и воспитанные. И каждую среду нас ждут, как маленькие дети. И, в-третьих, они много врут. Причем не бьют нажалость, не прибегают, нет, жаловаться не любят. Врут, что у них все хорошо. Или: что им некуда возвращаться, никто и нигде их не ждет. На самом деле им просто стыдно. Они скрывают от своих родных, что бомжуют. Поэтому, когда телевидение приезжает, они разбегаются, прячутся, боятся, что их в телевизоре на родине узнают».

\* \* \*

Сашка — женский вожак среди бомжей. Она — философ. Очень разбирается в людях. Про прежнего Лизиного водителя сказала: «Плохой он. Жадный и злой. Не нужен тебе. Подведет». Лиза тогда отмахнулась. А оказалось — правда.

Философу Сашке принадлежит фраза: «Лиз, ты чё, в натуре, честного бомжа от ё...ного наркомана отличить не можешь, а мента от опера? Не разбираешься ты в жизни и людях, что с тобой делать?». Кодекс!

***Блиц-опрос: шесть коротких вопросов Лизе Глинке  
— восемнадцать коротких ответов.***

1. *Три вещи, которые мне непонятны:*
  - Отчего происходит жестокость?
  - Зачем люди лгут?
  - Мир.

2. *Три вещи, которые меня пугают:*

- Ездить на машине по мосту.
- Любой обман.
- Смерть.

3. *Три вещи, которым бы я хотела научиться:*

- Не реагировать на плохие запахи.
- Отключать телефон.
- Научиться говорить НЕТ.

4. *Три плюса моего характера:*

- Жалость.
- Терпение.
- Упрямство.

5. *Три минуса моего характера:*

- Жалость.
- Терпение.
- Упрямство.

6. *Три вещи, которые я делаю чаще всего:*

- Работаю.
- Люблю.
- Люблю.

### III.

*Мне позвонил читатель. Он был мною недоволен.*

Спросил с вызовом: «Что у вас есть — кроме слова бомжей, — что их бьют «менты»?». «У меня есть именно слово бомжей, бьют-то их», — сказала я. «Но, может, это они сами друг друга бьют?» — спросил читатель. «Может быть, — сказала я. — Но у бомжей нет дубинок, нет электрошокеров, нет оружия. И синяки, которыми бродяги награждают друг друга, отличаются от ран, нанесенных «ментами». — «По-вашему выходит, что бомжи — ангелы». — «Нет, по-моему, они не ангелы. По-моему, они — люди». «Но они сами виноваты в том, что с ними стало», — сказал читатель, но почему-то уже не так уверенно. «Может, и виноваты. Но не только они. Все виноваты. А больше всех виноваты те, кто считает себя ни в чем не виноватым». — «Надо работать — и тогда все будет хорошо», — сказал читатель, но уже совсем не уверенно. — «Сегодня у нас с вами есть работа, а завтра ее может совсем не быть. И вот уже мы валяемся в канаве».

Какое-то время мы молчали. А потом я продолжила: «Почему мы думаем, что этого с нами не произойдет никогда? Вот бродяжка Танюшка, о которой я писала. Она — москвичка. Сын с невесткой выгнали ее из однокомнатной квартиры.

Танюшка могла бы не сама уйти, а сына выгнать, это же ее квартира. Или судиться с сыном, делить эту квартиру. А она оставила все сыну. Может, Танюшка поблагороднее своего сына будет? Почему мы считаем, что если кто победил свое горе — тот молодец, а те, кто не победил, — позор нации? Знаем ли мы — наперед — силу своей силы и меру своей выносливости? И почему априори уверены, что абсолютно любое горе вынесем?

Большинство из бродяг сами выбрали эту жизнь. Как ни странно, мы должны уважать это их право. Кому можно помочь — помогать. Остальных оставить в покое». Помолчав, я еще сказала: «В приютах у бродяг выводят вшей. Но эти бродяги — проверка нас на «вшивость». Или мы относимся к ним как к людям, пусть и другим, или мы за то, что их можно бить, унижать, убивать, бросать в тюрьму».

Так — или примерно так — говорила я читателю. И была собою недовольна. Нет, не те слова. Все как-то уязвимо, неубедительно. Сейчас он мне об этом скажет, и будет прав.

Но читатель вдруг сказал: «Спасибо». Я растерялась. Потом тоже сказала ему «спасибо». За понимание.

\* \* \*

А в мою вторую среду среди бомжей на Павелецком милиция таки появилась. Я спрашиваю: «В чем дело?», лезу в сумку за удостоверением. Из машины выскакивает Александр Чуев, президент фонда «Справедливая помощь»: «Что не так? Мы фонд такой-то... Совет Федерации...».

Два милиционера — молоденькие, небольшого роста — ни слова не говоря, поспешно уходят. Прямо-таки спасаются бегством.

Но это при нас так. А без нас?

Я уже знаю: бомжи много врут. И Лиза Глинка подтверждает: врут-врут. Но тут же добавляет: «Про ментов не врут». (Про то, как милиция жестоко и просто так, проходя мимо, их избивает.)

\* \* \*

Об автобусе «Милосердие». Он в холода приезжает на московские вокзалы к одиннадцати вечера, забирает каких может бомжей и возит их всю ночь по городу. Чтоб отогрелись.

И вот в прошлом году, 16 декабря, около 22 часов на Курском вокзале этот автобус обстреляли. Стреляли из пневматического оружия. Самих злоумышленников никто не видел.

Десять выстрелов. Внутри автобуса были врач, священник и бездомные. Никто не пострадал только чудом: один из бомжей спал на сиденье рядом с разбитым стеклом.

Дело об обстрелянном автобусе «Милосердие» в милиции не завели по сей день. Как будто этого не было вообще.

\* \* \*

Бомжа Васю с поломанной рукой (милиционер ударил дубинкой) в больницу таки доставили. Но он оттуда сбежал.

Пришла Валя (жена Васи). Просит Лизу пойти к Васе (он отлеживается в одном засекреченном месте), ему плохо, встать не может, температура — сорок. «Из руки у Васи шланг выпал», — трагическим шепотом сообщает Валя. «Шланг» — это дренаж», — объясняет мне Лиза. К Васе мы не идем, а едем. Это не так уж близко от вокзала. Десять вечера. Холод собачий. И ветер усиливается. Идем долго, через какую-то стройку. Господи, кто б нас видел: ночь, темень, Лиза и Петрович с чемоданчиками лекарств впереди, а за ними беременная Лена Никульникова, помощница Лизы, и я.

А вот и Васин шалаш. В моем темрюкском детстве мы называли такие сооружения почему-то «халабудами», они стояли в огородах, мы любили там играть.

Васина «халабуда» — это полиэтиленовые стенки с деревянными перекрытиями. Внутри на полу — старые одеяла. Есть свет и даже махонький телевизор. Вначале я только заглядываю в «халабуду», она маленькая, тесная, а там — Валя (в только что подаренных ей пушистых варежках), Вася, Лиза, Петрович. Мы с Леной остаемся снаружи. «Господи, там же им холодно, — говорит Лена. — Может, обогреватель подарить? Так пожар будет!».

В щелку я вижу, как Лиза и Петрович перевязывают Васе руку. Дренаж выпал, а внутрь никак не засовывается. Лиза делает из картонки трубочку, проталкивает ею дренаж. Вася очень бледный. Валя, видно, очень за него переживает. «Валя беременна», — сообщает мне Лена.

У шалаша на улице деликатно дожидаются ухода гостей две большие собаки — черная и белая. «Эти собаки Васю и Валю греют», — говорит Лена.

Лиза и Петрович с Васи ной рукой возятся долго, потом дают ему таблетки, строго наказывают Вале каждый день делать Васе перевязки. Уходя, Лиза говорит: «Смотри, Вася, Зоя пришла тебя проведать». Я заглядываю в шалаш. Вася

улыбаются. Разговариваем. Васе неловко за свой шалаш, и он говорит мне: «Может, в следующий раз в коттедже встретимся». И тут на меня что-то находит, и я вдруг радостно соглашаюсь с Васей: «Мы все, все будем жить в коттеджах, и это случится скоро, очень скоро».

\* \* \*

У машины Лиза меня спрашивает: «Ты чё про коттеджи несла? Я чуть не расплакалась...». Но я и тут упираюсь: «Да, все так будет...».

Совсем крышу снесло.

\* \* \*

В фонде «Справедливая помощь» у Лизы на бомжей нет никакого бюджета. «Это для тебя факультатив?» — спрашиваю Лизу. «Ага. Хобби», — смеется она.

\* \* \*

Из Лизиного дневника в ЖЖ: «Сегодня уехал в Кишинев парень, который четыре недели приходил к машине каждую среду. В посольстве Молдавии к гражданам, попавшим в беду, относятся сурово. Говорят еще суровее. Если денег нет — извините. Никто не поможет. Платить надо за анкету, фотографию и билет на Родину. Не знаю, как ему удалось продержаться и не опуститься. Лена покормила его у нас в фонде, после чего он сел в кресло и проспал почти пять часов. Он так устал, что не заметил, как мы укрыли его одеялом и подложили подушку. Сопел как ребенок. 22 года. Нароботался в Москве. Сейчас едет домой. К маме».

\* \* \*

Начитавшись Лизу в «Живом Журнале», люди несут в фонд теплые вещи. Бездомным все надо: трусы, носки (мужские и женские), теплые колготки, мужские брюки с ремнями, средства для перевязок, любые лекарства, памперсы, кремы, мази, влажные салфетки (больших размеров). Иногда Лиза пишет в ЖЖ, что много вещей принять не может: «Тяжело носить, а помощников у нас мало. Особенно по средам».

\* \* \*

Из Лизиного дневника: «Каждую среду в пять я буду на Павелецком вокзале. С бомжами. Кому-то они нравятся. Кому-то нет. Они не входят в мою «уставную деятельность».

У половины из них нет документов. Я даже не знаю их настоящих имен и говорят ли они правду. В прошлую среду я была там ровно три часа. За эти три часа я замерзла так, что согреться не могла почти сутки. Эти люди стоят на улице не три часа, как мы. А двадцать четыре часа в сутки».

\* \* \*

Лиза говорит о бомжах: «Я работаю с отверженными и преданными». Не все ее понимают. Есть люди, которые помогают фонду «Справедливая помощь», дают Лизе деньги, но говорят при этом: «Только не на бомжей».

\* \* \*

*Из Лизиного дневника:*

«Мне в последнее время задают вопросы, только ли с бомжами я работаю. Отвечаю. Нет. Только раз в неделю. Всего два-три часа в день. Потому что они тоже люди. Других причин нет.

<...> Всех перевязали, всем раздали теплые вещи. Они всех вас благодарят. Всех, кто передал им часть своего тепла. Не ругались, не курили в машине. И не называли меня «катастрофой и злющей», как вчера назвал меня близкий мне человек. Как-то все добрее с ними. Или я не умею с нормальными людьми.

<...> Движемся туго. Нет недостатка только в больных. В остальном одни проблемы. Но я приняла решение. Дай Бог выстоять».

\* \* \*

Между моей первой и второй публикацией о бомжах звонит мне Лиза Глинка. Просит помочь устроить одного бродягу в туберкулезный центр. Тот ходит за Лизой по пятам и ноет: отправь меня назад во Владимирскую тюремную туберкулезную больницу, там врачи хорошие, добрые. Просто так в тюрьму Лиза отправить Юру не может, но взялась ему помочь. И вот Лизин помощник Дан Дубов повез бродягу Юру в туберкулезный центр, а там поздно вечером дежурит врач Алексей Вениаминович Филиппов, который Юру класть в свою больницу категорически не хочет. Сначала моя коллега Дарья Пыльнова говорила с тем врачом, потом я... Врач Филиппов слушал-слушал, а потом начинал говорить круглыми, гладкими фразами: «У нас нет мест», или «Мы не берем бездомных», или «У него

нет туберкулеза», или «А что именно у него, я не знаю, потому что это надо обследовать». У бродяги Юры есть справка, выданная в тюрьме, что у него открытая форма туберкулеза. Санитарный врач Онищенко на днях пугал нас из телевизора, что грядет эпидемия туберкулеза, а бездомный Юра ходит среди нас с открытой формой туберкулеза (в тюрьме, как вы понимаете, просто так, на пустом месте такие справки не дают), и Юру жалко, и нас с вами... Все это говорю врачу Филиппову, но опять: мест нет, бездомных не берем... «Так или мест нет, или бездомных не берете?» — пытаюсь поймать на слове. Но врач Филиппов ни на что не ловится, продолжает заговаривать меня словами. «Как же вы могли определить, что у Юры нет туберкулеза, если вы его не обследовали? — недоумеваю я. — Разве можно простым осмотром, без анализов, определить: есть туберкулез или нет?». «Уверяю вас, — ласковым голосом говорит мне врач Филиппов, — туберкулеза у него нет».

Короче, долго мы еще говорили. Но ни до чего не договорились. Бездомный Юра вернулся на улицу.

На следующий день его повезли в больницу № 11. А пока везли, я позвонила в приемное отделение. Мне ответила какая-то девушка. Я представилась и попросила соединить меня с главврачом или завотделением. Девушка спросила меня строго, по какому я вопросу. Я еще более строго сказала, что вот с начальством и буду объясняться, по какому именно. Девушка настаивала. Я — очень холодно и сурово — рассказала все, как есть. И про то, что Юра — бездомный, и что он из тюрьмы, и что у него открытая форма туберкулеза, и что у Юры вообще никаких нет документов, и что вчера его выперли в ночь из больницы. На том конце провода молчали, и я спросила девушку: «Ну, что вы теперь меня вообще ни с кем не соедините?». «Подождите», — сказала она. И через несколько минут: «Везите вашего больного». От радости я не могла прийти в себя. Спросила, как ее звать. Она сказала, как. «Я о вас напишу», — сказала я. «А вот этого — не надо», — сказала она твердо. Я подумала, может, от скромности она это сказала, а может, я ей наврежу тем, что возьмусь прославлять? Короче, фамилию и имя девушки знаю, но, увы, сообщить ее читателям не могу. А ведь именно она договаривалась со своим начальством насчет бродяги Юры и убедила взять его в больницу.

Лизин помощник потом мне рассказал, что бродягу Юру не просто взяли в эту больницу № 11, но отнесли к нему там очень по-человечески, будут обследовать, и даже

загодя чуть ли не все врачи этой больницы беспокоились, а как же он потом, после лечения, неужели опять на улицу? Лиза Глинка говорит, что устроит Юру в приют.

\* \* \*

А между моей второй и нынешней, третьей, публикациями о бомжах вот какие еще произошли события.

Тиму отправили в Дагестан. Там его ждут две младшие сестры. Лиза им звонила — обещали Тиму принять.

По этому случаю нашли Тиме почти новый зеленый костюм-тройку. Тима придиричиво осмотрел костюм. Сказал: «Что он такой зеленый? К моим черным туфлям не подходит». Черные туфли ему две среды назад Лиза выдала. Тима тогда радовался как ребенок. И еще Тима спросил насчет костюма: «А он случайно не женский?». Когда вся толпа бомжей на Павелецком со знанием дела уверила Тиму, что костюм — мужской, Тима за свою въедливость извинялся: «Ну, вы ж сами понимаете, в Дагестан еду...». Тиму провожали и рыдали. Его здесь, на Павелецком, все любили за мягкий, незлобивый нрав. Мы с Лизой волновались: как доехал? Не сняли ли по дороге с поезда? Вчера мне Лиза сказала, что доехал.

Веру, которую бросил Колька, устроили в приют. Она там прошла санобработку, ее помыли, вывели вшей, постригли (прямо-таки модельная получилась стрижка), переодели в чистое и даже нарядное, и когда она королевой вернулась на Павелецкий, а пробегающий мимо Колька спросил ее: «Ты Верку не видела?», ответила с достоинством: «Я в прошлой жизни была Веркой». Колька просто рухнул. Вера была отомщена. А уж для меня неузнавание злодеем Колькой брошенной своей возлюбленной стало такой наградой — выше любой медали или ордена, клянусь! Я накануне столько с Верой об этом Кольке проговорила, успокаивая ее после разрыва.

«Павелецкий» вожак среди бомжей Вася выздоровел. Рука зажила. Вернулся на вокзал, осмотрел своих бродяг и сказал: «Ну вот, совсем вы тут без меня опустились... Срочно — на санобработку. И чтоб к 8 Марту подготовились. Поздравили женщин как следует».

А помните бездомную Сашку? Ну ту, что — философ, женский вожак среди бродяг? Которая говорила: «Лиз, ты чё, в натуре, честного бомжа от е...ного наркомана отличить не можешь, а «мента» от опера? Не разбираешься ты в жизни

и в людях, что с тобой делать?». Так вот: умерла Сашка на той неделе. Непонятно — почему, отчего. Может, болела, но скрывала это. «Она такой была боец», — говорит Лиза.

\* \* \*

Вот и все, что мне пока удалось узнать про бомжей.

## Кто такой современный бродяга

По мнению аналитиков и статистиков МВД, почти половина бродяг — бывшие зэки. По старому советскому закону они были выписаны со своей жилплощади «в связи с посадкой». Эту норму потом отменили. Но люди-то остались. Возвращаться им некуда. Отсудить свои квадратные метры обратно не удавалось почти никому. Тем более тем, кто пришел «с зоны». Вот они и пополняют ряды бомжей.

***NB!** Ежегодно на свободу в возлюбленном отечестве выходят 250 тысяч (!) бывших осужденных.*

Процентов двадцать бродяг — жертвы криминальной приватизации.

Десять процентов ушли из дома по семейным обстоятельствам: развелись с женой, поссорились с родственниками или просто все бросили и уехали куда-то строить новую жизнь. Не получилось. А назад мало кого прежняя родня пускает.

Кто-то свою квартиру пропил. Кто-то потерял за долги. Кого-то обманули при купле-продаже-обмене. У кого-то сгорел дом. Теперь все они на улице. И те, кто сам во всем виноват, и те, кто не виноват ни в чем.

До недавнего времени девяносто процентов бродяг были мужчины. Но сегодня становится все больше женщин.

На хлеб зарабатывают попрошайничеством, собиранием бутылок и металлолома, мелким воровством. По сводкам МВД: не брезгают и торговлей наркотиками. («Лизины» бомжи, «павелецкие», говорят: «Наркотики — это промысел «курских», не наш». «Павелецкие» бродяги — «белая кость», дворяне; «комсомольские», с трех вокзалов — бывшие зэки.)

В московских ночлежках всего полторы тысячи мест. И для них нужна московская прописка.

А бродяг, напомним, только в Москве — 100 тысяч человек. По России — четыре с половиной миллиона. И независимые эксперты считают эти цифры очень сильно заниженными.

## Что (кого) бродяги любят?

Печеную картошку; белый хлеб; чай (кофе); когда к ним приезжает доктор Лиза; друг друга; теплые вещи в холода; спать не на улице; поговорить, но если при этом к ним не

лезут в душу; когда их воспринимают как людей; когда им улыбаются; улыбаются в ответ.

### **Чего (кого) бродяги боятся?**

Милиционеров, которые их бьют; больниц, из которых их выбрасывают; мазь левомеколь (я спросила Лизу, почему они не любят эту мазь, Лиза сказала: «А черт его знает, но я на всякий случай тоже перестала ею пользоваться»); когда их фотографируют или снимают для телепередач (могут узнать родные); когда они не просят, а им дают деньги («не надо, я пропью»); когда приходят к Лизе бомжи из других вокзалов («ты че, падла курская, к моему доктору липнешь?»); когда их бросают любимые; когда вещи не подходят по размеру; вспоминать прошлую жизнь; против своей воли возвращаться домой, где их никто не ждет и где они никому не нужны.

**P.S.** *Мы думали, как назвать эти заметки: «Бомжи» или «Бродяги». И решили: «Бродяги». Бездомные ко всему привыкли и совсем не обижаются, когда их называют бомжами, но я помню, что мне почему-то неловко было спрашивать их: «Сколько лет вы бомжуете?». Само слово «бомж» — канцелярски-милицейски-государственное: без определенного местожительства. Не без дома, а без местожительства. Не совсем без дома, а только без определенного. Слово «бомж» — не народное, не из жизни людей, а искусственное. И хотя уже никуда от него не деться и я в своих заметках им, увы, тоже пользовалась, но уж лучше старое, почти забытое «бродяги».*

**P.P.S.** *В эту зиму — говорят, вторую самую теплую за последние сто лет — только в Москве замерзло 110 бродяг. Но это еще очень предварительные данные.*

**P.P.P.S.** *На 8 Марта «навелецкий» возжак среди бродяг дагестанец Вася устроил-таки праздник для женщин: стал жарить шашлык. На дым пришла милиция. Отобрали у бродяг деньги. Женщин разогнали дубинками. Мясо отдали собакам (не Васиным). Вася плакал.*

**О замерзающих и погибающих бездомных  
на ночных улицах МОСКВЫ  
вы можете сообщить  
в Службу помощи бездомным  
по тел. 76-44-911,  
с ВОСЬМИ вечера до ШЕСТИ утра.**

**Даже если вы очень неоднозначно  
относитесь к людям, живущим на улице,  
но увидите их на вокзале или улице — позвоните.  
Укажите место, где они находятся.**